

ТРИ

ЭДУАРДО

ЧЕЛОВЕК с добрым лицом и в то же время с лицом трагика, который верит в счастливый финал. Мы знали его, де Филиппо — драматурга, потому что его пьесы можно видеть почти в каждом нашем большом театре; де Филиппо — актера, который всегда разный и всегда один; де Филиппо — режиссера, который вошел в энциклопедию театра и не перестал искать. Он всегда ищет — драматург, режиссер, актер. Человек с тремя лицами и одной судьбой, судьбой художника и крестьянина, грузчика и поэта, судьбой честной, прямой и искренней, как весь его путь.

В понедельник 26 марта на Шереметьевском аэродроме мы узнали его по цветам. Они были видны издали — красные цветы в руках невысокого худощавого человека, идущего среди гостей и хозяев. Все, что связано с ним, просто, Италия зовет его Эдуардо не потому, что в итальянском языке нет отчества, а потому, что он дорог и понятен каждому. Он не затерялся среди людей и всегда с ними. Всегда. В 1930 году, когда он создавал свой театр, когда итальянцы разучились говорить громко и боялись остаться наедине со своими мыслями, когда откровение творчества заменила откровенность лжи, — когда был фашизм. Нужно было воспевать кулак и оправдывать подлость — Эдуардо этого не мог. Можно было сентиментальничать или зубоскалить — Эдуардо этого не хотел. У него была страсть к истине, вера в искусство, социальное без деклараций и правдивое без приземления. Достичь этого тогда было невозможно. Уходили единомышленники. Брат Пеппино бросил созданный вместе театр, устав от борьбы и поверив в обреченность большого искусства. Эдуардо остался самим собой.

И вот он в редакции, за круглым столом «Недели», рассказывает об этом, как об обычном. А у него морщины, как шрамы, потому что он страдал за всех. У него печальные глаза, потому что он в упор видел людскую боль.

— Вы знаете, — говорит Эдуардо, — я не люблю свои пьесы, написанные с тридцатого по сороковой год. Они собраны в двухтомник «Рассказы о похожих днях». Нет, я не лгал. Но уж слишком они были похожи, эти дни, слишком серы и безмолвны.

Помните фильм «Неаполь — город миллионеров»? Я ходил там и говорил всем: «Сижу я в воронке, а вокруг трупы». На экране мне было страшно вспоминать все это, но я не мог не вспоминать. Так и в жизни, мне тяжело читать мои первые пьесы, но я не могу не помнить их.

Кстати, «Неаполь — город миллионеров» — это второе рождение нашего театра. С тех пор я не стесняюсь называть его «Театром Эдуардо», потому что сейчас я действительно в состоянии рассказывать то, что хочу и как хочу, насколько это в моих силах, конечно. И сборник пьес, сделанных после войны, я назвал «Рассказы о непохожих днях».

До войны мы играли одноактные комедии, что-то вроде французских фарсов или старинных потешных поощдений Пульчинеллы. Тогда мы старались опустить уголки его постоянно хохочущих изрисованных губ. И уже тогда из-за спины традиционного героя итальянских народных комедий плута Пульчинеллы выглядывало открытое лицо Рафаэле Вивьяле, драматурга, влюбленного в Неаполь и неаполитанцев с их шумной и горькой судьбой. Может быть, в его пьесах я и нашел своих героев и понял, на каких улицах я их поселю.

Я пишу о неаполитанцах, о тех, кто живут в соседнем квартале и на другом конце города, потому что я знаю Неаполь и люблю его людей. Я всю жизнь играл моих земляков такими, как их видел, — взбалмошными, страстными, непосредственными и лукавыми, плутами и честными, хвастливыми и скромными. Сначала Италия видела во мне только пожанина, знатока местных нравов и анекдотов, артиста на характерные роли. А потом оказалось, что неаполитанский диалект сродни всем языкам, что в этом взрыве жестов — движения любой человеческой души, что из беспорядка конкретных деталей вырастает простота общего. Я искал человека мира в неаполитанце и поэтому вижу что-то неаполитанское в каждом человеке. — убежденно говорит де Филиппо.

В РЕПЕРТУАРЕ «Театра Эдуардо» есть пьеса Пиранделло «Колпак с бубенчиками». По-видимому, де Филиппо дорога эта мудрая и тонкая пьеса, наверное, есть большая внутренняя связь между произведением Пиранделло и мироощущением самого Эдуардо. И неда-

ром он говорит: «Я не знаю, подписался ли бы Пиранделло под моими пьесами, но «Колпак с бубенчиками» я охотно считал бы своей комедией». Но таких комедий в Италии, очевидно, не много, по крайней мере все остальные пьесы, которые играет «Театр Эдуардо», написаны им самим.

У него есть громадное преимущество перед многими собратьями-драматургами — он еще за писательским столом видит пьесу как постановщик и переживает текст как актер. Режиссер Эдуардо подсказывает Эдуардо-писателю, кого из артистов надо пригласить на роли будущей комедии. Эдуардо-актер, который знает, что такое перевоплощение, подсказывает, как надо писать для заранее намеченных исполнителей, а Эдуардо-автор раскрывает тому и другому свои замыслы, свое понимание, свое видение пьесы. А потом роли, написанные на определенных людей, их особенности и призывки, перерастают своих исполнителей, и пьеса изживает собственную жизнь, обходя сцены всего мира.

— Вот почему, — признается Эдуардо, — мне кажется, что я сначала все же драматург. Потом актер. И уже только как посредник между ними — режиссер. Впрочем, эти качества не должны бороться между собой, и лучше всего, когда публика не замечает ни того, ни другого, ни третьего. На мой взгляд, успех бывает лишь в том случае, когда зритель, только выйдя на улицу, вспоминает, что был в театре и видел труд актера, режиссера и драматурга. Зритель должен смотреть на сцену, как можно смотреть через дыру в заборе

*Un milione di copie e taluni
on letteri della "Unità"
e "Mediaset"*

MOSCA E. M. A. D. E. H.
30.3.1962

Наилучшие пожелания читателям «Известий» и «Недели».

Эдуардо де ФИЛИППО.
Москва. 30. 3. 1962.

УСПЕХ

РОЛЬ Паскуале Лойяконо в пьесе драматурга Эдуардо де Филиппо, поставленной в «Театре Эдуардо де Филиппо» режиссером Эдуардо де Филиппо, сыграл в Москве 29 марта Эдуардо де Филиппо.

Давайте восстановим в памяти то, что делает актер в этом спектакле, начиная с минуты, когда он впервые появляется на подмостках. В прихожую входит человек, видимо, тот самый, кто должен въехать в квартиру: помещение заставлено только что привезенными вещами. Человек в приличном сером костюме тащит то, чего не хватило грузчики. Очень неудобно удерживать в руках зараз дыню, баул, живую курицу, еще подсажка свертков и клетку с канарейкой. Несущий не балансирует, не роняет и не ловит свой багаж, весь комизм появления заключен в той серьезности, с которой человек тащит какую-то чепуху.

Ему помогают разгрузиться. При этом выясняется, что курицу он ненароком придушил, неся ее под мышкой. Он огорченно приподнимает вялую куриную головку, удостоверившись в кончине. Снимает шляпу: в самом деле... Но Паскуале Лойяконо, неудачник с многолетним стажем, воспринимает очередную неудачу стоически: она для него в порядке вещей. Это краска, чрезвычайно существенная для де Филиппо. Его герой призывает к тому, что события оборачиваются неблагоприятно.

Ситуация пьесы замысловата и комична: о дворце, куда переезжает Паскуале Лойяконо со своей молодой женой Марией, ходят слухи, будто тут хозяйничают привидения. Новому квартиранту жилье предоставлено безвозмездно, при условии, что он рассеет эти слухи, вредящие домовладельцу. В его обязанности — выходить на балкон, улыбаться, а еще лучше — напевать. И Паскуале честно выполняет обязательства: правда, однажды, перепугавшись до смерти, он выскакивает на балкон с воплем, но тут же переключает этот вопль в песенную руладу. Комическая ситуация только сгущает, обостряет повседневное состояние Лойяконо. Жить в страхе и заветывать остальных, что у него все в порядке, — это ведь постоянная задача его бедной жизни.

При этом Паскуале Лойяконо, при всей его притерпелости к печалям, мечтает по-